

Л. В. Терентьева*

ПРИНЦИПЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЮРИСДИКЦИИ ГОСУДАРСТВА В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ¹

Аннотация. Статья посвящена условиям реализации суверенитета и юрисдикции государства в отношении внегосударственного информационно-коммуникационного пространства на платформе киберпространства. Автором предпринята попытка рассмотреть конструктивность понятия «территория государства», правовое значение которого заключается в определении пространственных пределов осуществления территориального суверенитета и полной юрисдикции государства применительно к киберпространству. В статье исследуется, насколько в российском праве отражены предложенные в зарубежной и российской доктрине принципы установления юрисдикции по принципу местонахождения сервера и регистрации доменного имени. Автором также поднимается вопрос, обеспечивает ли решение юрисдикционного вопроса в отношении национального сегмента в сети Интернет предпринятая попытка централизованного управления сетью Интернет, заключающаяся в создании национальной системы маршрутизации интернет-трафика в целях установления защитных мер для обеспечения долгосрочной и устойчивой работы сети Интернет в России вне зависимости от внешних или внутренних условий, в принятом в третьем чтении Государственной Думой 16 апреля 2019 г. законопроекте «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»».

Ключевые слова: юрисдикция, информационно-коммуникационное пространство, киберпространство, Интернет, суверенитет, территория государства.

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.119-129

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно проблемы суверенитета и юрисдикции государства рассматриваются в рамках международного и конституционного права, тогда как понятие «международная судебная юрисдикция» в большей степени является предметом исследования международного частного права. Между тем исследование международ-

ной судебной юрисдикции вне анализа категориального аппарата международного публичного права не способствует формированию целостного представления о сущности данного понятия. Данный факт может быть объяснен тем, что категория «юрисдикция государства» является системообразующей, исходным началом формулирования термина международной судебной юрисдикции, поскольку именно юрис-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Сетевое право в условиях сетевого общества: новые регуляторные модели», проект № 18-29-16061, реализуемого по результатам конкурса на лучшие научные проекты междисциплинарных фундаментальных исследований (код конкурса 26-816 «Трансформация права в условиях развития цифровых технологий»).

© Терентьева Л. В., 2019

* Терентьева Людмила Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
terentevamila@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

дикция государства очерчивает границы сферы действия государственной власти. Реализация юрисдикции государства в информационно-коммуникационном пространстве на платформе киберпространства, не проявляющем каких-либо материальных признаков и осязаемой географической протяженности, дополнительно обнаруживает необходимость обращения к анализу концепции границ осуществления суверенитета и юрисдикции государств в отношении данного внетерриториального пространства.

В этой связи следует согласиться с позицией американского ученого П. Бермана о том, что в современных условиях цифровизации в целях целостного восприятия концепции «юрисдикция» представляется важным привлечение таких доктринальных областей, традиционно разделенных на различные отрасли права, как киберправо, гражданский процесс, международное частное право и международное публичное право². Применение подобного конвергированного подхода в исследовании юрисдикции автором обосновывается тем, что, во-первых, данные отрасли в той или иной степени сходятся вокруг общих вопросов, касающихся социального значения правовой юрисдикции, а во-вторых, различия между публичным и частным международным правом нивелируются в условиях сложной глобальной сетевой структуры современного общества³.

Действительно, интегрирование информационно-коммуникационных технологий, изменяющих как пространственное, так и временное восприятие, фактически во все общественные и государственные институты не может не сказываться на трансформации восприятия принципов территориальности как публично-правового, так и частноправового регулирования общественных отношений, которые реализуются в информационно-коммуникационном пространстве. Общность территориальных принципов международного публичного и международного

частного права отмечена в работе С. И. Крупко. По мнению автора, понятия «принцип территориальности», «территориальный принцип», «начало территориальности» нередко используются в одних и тех же целях: в области международного публичного права территориальный принцип является одним из основополагающих начал верховенства суверенной власти, тогда как в международном частном праве он применяется при формировании коллизионных привязок⁴. При этом следует отметить, что формулирование понимания территориальности в рамках международного публичного права детерминирует понимание территориальности и в международном частном праве.

В связи с постановкой вопроса о применении коллизионных привязок и оснований международной подсудности, имеющих территориальный характер, к тому или иному сегменту внетерриториального информационно-коммуникационного пространства изначально необходимо решение публично-правового вопроса относительно пространственного контура реализации юрисдикции государства⁵. Таким образом, функционирование тех или иных институтов частного права в условиях развития информационных технологий может быть выстроено только при понимании условий и границ реализации территориального суверенитета и юрисдикции государства в информационно-коммуникационном пространстве.

1. ТЕРРИТОРИЯ ГОСУДАРСТВА В ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В международно-правовых актах юрисдикция, как правило, рассматривается с точки зрения распространения суверенной власти государственных участников на какие-либо объекты или определенные участки территории, а также как про-

² *Bermann P. S. The globalization of jurisdiction // University of Pennsylvania Law Review. 2002 December. Vol. 151. No. 2 Pp. 512, 534.*

³ Тенденция стирания граней между отраслями права, которую катализирует развитие цифровых технологий, была также обозначена профессором Э. В. Талапиной. Автор обосновывает, что, поскольку информация и технологии содержатся в каждой отрасли, они, становясь общим знаменателем, определяют единую логику права, что, в свою очередь, снижает ценность отраслевого деления (*Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2*).

⁴ *Крупко С. И. Пространственная сфера действия закона в международном частном праве: аспект интеллектуальных прав // Труды Института государства и права РАН. 2015. № 4. С. 149—159.*

⁵ Иной точки зрения придерживается М. В. Мажорина, в работе которой решающая роль в разрешении вопроса юрисдикции в киберпространстве закреплена именно за международным частным правом

явление территориального верховенства. В статье 2 Проекта Декларации прав и обязанностей государств 1949 г.⁶ предусмотрено, что каждое государство имеет право осуществлять юрисдикцию над своей территорией и над всеми лицами и вещами, находящимися в ее пределах, с соблюдением признанных международным правом иммунитетов.

В доктрине понятию «юрисдикция» ученые также придают преимущественно территориальный характер, а именно юрисдикция определяется учеными в качестве проявления суверенитета государства и сферы действия государственной власти в рамках определенной территории (И. И. Лукашук, Ю. С. Ромашев, Д. В. Фетищев, А. Р. Каюмова)⁷.

Ограниченность юрисдикции государства его территориальными пределами предопределяет отнесение в доктрине территориального фактора к основным принципам реализации юрисдикции⁸.

Связанность юрисдикции государства с территорией и ее развитием отражена в Основном законе РФ. По смыслу ст. 3—5, 67 и 79 Конституции РФ верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти распространяется именно на территорию Российской Федерации. В соответствии со ст. 67 Конституции РФ территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними. Уникальными по своей природе объектами, приравненными по статусу к территории РФ, являются космические объекты. Положение о юрисдикции

в международном космическом праве зафиксировано в Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, от 27 января 1967 г. В статье 1 Федерального закона 1993 г. «О Государственной границе» под территорией РФ понимается суша, воды, недра и воздушное пространство в пределах Государственной границы РФ, которая является пространственным пределом государственного суверенитета Российской Федерации.

В этой связи реализация суверенитета государства и его юрисдикции в рамках географически определенных границ обусловила необходимость решения вопроса о пределах осуществления суверенитета и юрисдикции государства и в отношении информационно-коммуникационного пространства, не обладающего географической протяженностью. Результатом данного переосмысления стало появление доктринальных дискуссий о конце географии и об ослаблении государственных границ⁹, о невозможности территориальных суверенов управлять киберпространством, для которого должна быть создана своя юрисдикция (или несколько юрисдикций)¹⁰, а также о неэффективности секторального деления Интернета и подконтрольности каждого отдельного сегмента определенной государственной юрисдикции, которые, по мнению авторов, могут стать «точкой невозврата» в истории развития киберпространства¹¹.

Сложность регламентации отношений, складывающихся в сети Интернет, вызвала

(см.: *Мажорина М. В.* Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // *Lex Russica*. 2019. № 2 (147). С. 107—120).

⁶ Проект Декларации прав и обязанностей государств от 6 декабря 1949 г. (принят Комиссией международного права ООН, резолюция 375 (IV) от 6 декабря 1949 г.) // Сборник документов «Международное право». М. : Юрид. лит., 2000.

⁷ *Каюмова А. Р.* К вопросу о юрисдикции в системе международного права // Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. № 6. С. 316—323 ; *Лукашук И. И.* Уголовная юрисдикция // Государство и право. 1998. № 2. С. 112 ; *Ромашев Ю. С., Фетищев Д. В.* Юрисдикция государств в правоохранительной сфере : монография. М. : Научная книга, 2009. С. 7.

⁸ *Лукашук И. И.* Международное право. Общая часть. М. : Волтерс Клувер, 2005 ; *Каюмова А. Р.* Уголовная юрисдикция в международном праве. Казань, 2016. С. 102.

⁹ *Benyekhlef K., Gelinas F.* The International Experience in regard to Procedures for Settling Conflicts relating to Copyright in the Digital Environment // UNESCO Copyright Bulletin. 2001. Vol. XXXV. № 4. P. 7 ; *Kobrin S.* Electronic cash and the end of national markets. Global Issues. 1997. 2 (4). P. 38.

¹⁰ *Johnson D. R.* Law And Borders: The Rise of Law in Cyberspace // Stanford Law Review. 1996. 1367. URL: <https://cyber.harvard.edu/is02/readings/johnson-post.html> (дата обращения: 10 апреля 2019 г.).

¹¹ *Кирилюк О. В.* Международно-правовые основы саморегулирования в киберпространстве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1.

появление ряда спекулятивных концепций нигилистического характера о том, что в силу внетерриториальности Интернета к нему неприменим принцип государственного суверенитета¹². Иллюстрацией противоречия юрисдикции, основанной на территориальном критерии и внетерриториальном характере сети Интернет, является рассмотренное американским судом дело *American Civil Liberties Union v. Reno*, в котором апелляционный суд постановил, что Интернет соединяет 159 стран и более чем 109 млн пользователей, над которыми США не имеют суверенитета, поскольку деятельность, реализуемая в Сети, не ограничивается определенной юрисдикцией¹³.

Подобный подход способен также спровоцировать и эффект множественной юрисдикции нескольких стран, когда несколько государств считают возможным реализовать свою предписывающую, судебную и исполнительную юрисдикцию применительно к отношениям в киберпространстве. Так, доступность информации в сети Интернет послужила основанием компетенции французского суда, в который обратились Союз еврейских студентов Франции (UEJF) и Лига против расизма и антисемитизма (LICRA) с иском к американской компании Yahoo, требуя заблокировать доступ французским пользователям к информации о продаже предметов с нацистской символикой и снять с торгов фашистскую атрибутику¹⁴. Французским судом в деле Yahoo было принято решение, что сайты, содержащие изображения нацистской символики, что является допустимым в США и, более того, защищается Конституцией, должны подпадать под действие законов Франции, где размещение такой информации находится под запретом, по причине доступа к данному сайту пользователей Франции¹⁵. Суд Франции вынес решение о выплате штрафа за продажу атрибутов с нацистской символикой на онлайн-аукционах.

Как представляется, научный анализ реализации юрисдикции в киберпространстве должен обуславливать поиск механизмов для

выработки адаптивных критериев установления юрисдикции в отношении данного пространства, а не идти по пути отрицания данной проблемы или же признания невозможности осуществления юрисдикции в отношении киберпространства. Как отмечено А. А. Ефремовым, если значение территории как сферы регулирования снижается, то сферой регулирования должны становиться иные пространства — экономическое, информационное, которые могут не совпадать с конкретными государственными территориями¹⁶. Данное высказывание представляется верным в части необходимости простираения юрисдикции и суверенитета государства и в отношении информационного пространства, но несколько спорным в части утверждения о снижении значимости территории как сферы регулирования.

Здесь следует отметить, что категория «пространство» как альтернатива теории объекта появилась во второй половине XIX в. Согласно данной концепции (И. К. Блюнчли, К. Фрикер, Ф. Лист, Г. Еллинек, Н. М. Коркунов, В. А. Незабитовский) территория рассматривалась не в качестве объекта собственности государства, а как пространство, в пределах которого государство осуществляет свою верховную власть, — теория пространства (теория предела)¹⁷. Несмотря на то что основной целью данной концепции являлось выступление против заимствования гражданско-правовых концепций вещного права для объяснения природы территории в международном праве, определение территории через категорию пространства как предела осуществления государственной власти является весьма прогрессивным в целях примирения территориальной концепции суверенитета и юрисдикции государства и внетерриториального информационно-коммуникационного пространства. В то же время и использование понятия «территория государства» применительно к трансграничному информационно-коммуникационному пространству также нельзя признать противоречивым, принимая во внимание динамику из-

¹² Барлоу Д. П. Декларация независимости киберпространства // URL: <http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/translat/deklare.html> (дата обращения: 10 апреля 2019 г.).

¹³ *American Civil Liberties Union v. Reno*, 31 F.SuPp. 2d 473, 484 (E. D. Pa. 1999).

¹⁴ *Yahoo! Inc. v. La Ligue Contre Le Racisme et L'Antisemitisme* 145 F. SuPp. 2d 1168 (N. D. Cal. 2001).

¹⁵ *United States Court of Appeals, Ninth Circuit. 433 F.3d 1199, Yahoo! Inc. v LICRA and UEJF*, 12 January 2006.

¹⁶ Ефремов А. А. Информационное пространство как сфера реализации государственного суверенитета // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право. 2017. № 1 (28). С. 22–30.

¹⁷ Каюмова А. Р. Уголовная юрисдикция в международном праве. С. 48.

менения содержания данного понятия, которое на всем протяжении исторического развития обогащалось за счет включения в него новых пространств (воздушные, морские и речные суда; космические корабли, станции и другие космические объекты; искусственные острова и сооружения в море и на его дне; научные станции в Антарктике; помещения дипломатических и консульских представительств). С развитием киберпространства эволюционирует не столько само понятие «территория государства», правовое значение которого заключается в пространственных пределах осуществления полной юрисдикции государства, сколько содержательные составляющие территории государства — в результате включения новых пространственных единиц, не имеющих территориального, осязаемого, плоскостного аспекта.

В то же время сохранение за понятием «территория» главного атрибутивного признака юрисдикции и в отношении новых специфических сред реализации общественных отношений, функционирующих вне географических, материальных зон, не позволяет решить вопрос о критериях разграничения юрисдикции государств в отношении данных пространств. Между тем в одном из предложений по изменению законодательства, разработанных в феврале 2013 г. Российской ассоциацией электронных коммуникаций, была сформулирована необходимость определения границ юрисдикции Российской Федерации в отношениях, связанных с использованием сети Интернет. Данное предложение было мотивировано тем, что недостаточно четкое определение юрисдикции РФ затрудняет расследование трансграничных киберпреступлений, а также создает ряд проблем при судопроизводстве¹⁸.

В связи с этим в научной доктрине были предложены принципы установления как полной юрисдикции государства, так и отдельного ее проявления — судебной юрисдикции, которые, как представляется, нашли в той или иной степени свое отражение в российском праве.

2. ЮРИСДИКЦИЯ ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО СЕГМЕНТА СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Принимая во внимание имманентно присущий сети Интернет трансграничный характер, в доктрине была обоснована необходимость решения вопроса установления юрисдикции государства в отношении киберпространства в плоскости международного права. Зарубежными авторами было предложено относить киберпространство к территориям с международным режимом, а именно к географическим пространствам, лежащим за пределами территории государств и находящимся в общем пользовании всего человечества, всех государств (Антарктика, космическое пространство, небесные тела, моря за пределами территориальных вод)¹⁹. Подобная идея была поддержана и российскими учеными²⁰. Между тем идеалистичность данного подхода усматривается в трудностях его реализации. Весьма проблематичным представляется сделать зону сети Интернет предметом многостороннего соглашения, без ее разграничения на национальные сегменты, где бы осуществлялась юрисдикция каждого отдельного государства. В отношении территорий с международным режимом преимущественно действуют нормы и принципы международного права и, соответственно, реализуются публично-правовые отношения посредством согласования волеизъявления государств, тогда как киберпространство является площадкой не только публично-правовых, но и частноправовых интересов, подпадающих под национальную юрисдикцию того или иного государства. Как отмечено А. И. Савельевым, территории с международным режимом в достаточной степени обособлены от территорий отдельно взятых государств, что предполагает более простой путь к установлению договоренностей между странами по вопросу правового режима указанных территорий, чем по вопросам правового режима Интернета, отношения по поводу которого слишком «вплетены» в отношения, подпадающие под юрисдикцию отдельно взятых государств²¹.

¹⁸ Таблица пробелов и проблемных мест в существующем законодательстве в отношении регулирования Интернета // URL: <http://raec.ru/right/internetlaw/> (дата обращения: 10 апреля 2019 г.).

¹⁹ *Menthe D. C.* Jurisdiction in Cyberspace: A theory of international spaces // URL: <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1163&context=mttlr> (дата обращения: 10 апреля 2019 г.).

²⁰ *Дашян М. С.* Право информационных магистралей (Law of information highways) : Вопросы правового регулирования в сфере Интернет. М. : Волтерс Клувер, 2007.

²¹ *Савельев А. И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М. : Статут, 2016. С. 41.

Российскими учеными было также предложено установить границы суверенитета РФ в рамках доменной системы посредством разработки и принятия в форме международных конвенций и многосторонних межгосударственных и межправительственных соглашений общепризнанного корпуса унифицированных норм и правил регулирования соответствующих отношений²². Наиболее удобным форумом авторам представлялась Всемирная организация по интеллектуальной собственности или же вновь созданная специализированная организация ООН, которая могла бы заниматься исключительно вопросами регулирования отношений в сети Интернет.

Следует отметить, что на сегодняшний момент юрисдикционный вопрос в киберпространстве исследуется преимущественно доктринально и в международно-правовой повестке не стоит. В связи с чем очерчивание юрисдикционных контуров происходит преимущественно на национальном уровне каждого отдельного государства.

Сложности решения вопроса установления полной юрисдикции государств в отношении киберпространства возникают в связи с децентрализованным принципом управления сети Интернет. В силу трансграничной природы сети Интернет в процесс управления ею вовлечены не только государства, межправительственные организации, но и значительное количество негосударственных национальных и международных организаций (Общество Интернета (Internet Society, ISOC), Некоммерческая организация по управлению доменными именами и IP-адресами (ICANN) и т.п.), а также структур, не являющихся юридическими лицами (Рабочая группа по проектированию Интернета (Internet Engineering Task Force, IETF). В то же время, несмотря на децентрализованную структуру сети Интернет, доминирующее положение в управлении ею сохраняют США, в зоне юрисдикции которых находятся компании, осуществляющие функции по управлению сетью Интернет. Так, Рабочая группа по проектированию Интернета представляет собой структурное подразделение корпорации системы Общества

Интернета — юридического лица Федерального округа Колумбия (США); штаб-квартира компании Verisign находится в штате Вирджиния (США); Некоммерческая организация по управлению доменными именами и IP-адресами, играющая ключевую роль по распределению имен и адресов в сети Интернет, зарегистрирована в Калифорнии (США). Инфраструктура поддержки уникальных идентификаторов Интернета физически сосредоточена в семи странах (США, Австралия, Маврикий, Нидерланды, Уругвай, Швеция и Япония). Именно в юрисдикциях этих стран находятся региональные регистратуры Интернета и операторы корневых серверов сети Интернет²³. Между тем от возможности ведения независимой информационной политики государством в виде управления критической инфраструктурой сети Интернет, формулирования принципов ее функционирования, а также определения концепции развития и совершенствования ее технологического функционирования напрямую зависит возможность реализации суверенных полномочий государства в информационной сфере. Концепция установления юрисдикции государства в отношении национального сегмента киберпространства может быть реализована только в том случае, если весь технологический цикл управления национальной инфраструктурой Сети полностью реализуется и контролируется в пределах территории соответствующего государства.

Именно в связи со сложностями управления децентрализованной структурой сети Интернет, а также в целях обеспечения надежной работы, устойчивой к сбоям в инфраструктуре Интернета за пределами РФ, Государственной Думой ФС РФ 16 апреля 2019 г. был принят в третьем чтении законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»»²⁴, получивший в средствах массовой информации название «Закон о суверенном Интернете».

Абстрагируясь от высказанных в российских средствах массовой информации опасений относительно возможного цензурирования трафика, следует отметить, что основная цель соз-

²² Власенко А. Интернет-пространство: к вопросу о совершенствовании административно-правовой охраны интеллектуальной собственности // URL: <http://www.law-n-life.ru/arch/148/148-7.doc> (дата обращения: 10 апреля 2019 г.) ; Даниленков А. В. Интернет-право. М. : Юстицинформ, 2014.

²³ Медриш М. Высокая передача: кому достался контроль над IANA // URL: <http://pircenter.org/articles/2057-vysokaya-peredacha-komu-dostalsya-kontrol-nad-iana> (дата обращения: 10 апреля 2019 г.).

²⁴ URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/608767-7> (дата обращения: 16 апреля 2019 г.).

дания централизованной основы управления Сетью заключается в установлении защитных мер для обеспечения долгосрочной и устойчивой работы сети Интернет в России, а также в повышении надежности работы российских интернет-ресурсов. Как представляется, именно бесперебойная и стабильная работа сети Интернет вне зависимости от внешних или внутренних условий позволяет обеспечить решение юрисдикционного вопроса в отношении национального сегмента в сети Интернет.

Законопроект вводит новые понятия: «точка обмена трафиком», «трансграничные линии связи». В соответствии с законопроектом собственники или владельцы линий связи, пересекающих Государственную границу, обязаны предоставлять в Роскомнадзор информацию о цели использования линии связи. В законе предусматривается возможность установки на сетях связи, позволяющих определить источник передаваемого трафика, технических средств, которые могут ограничивать доступ к ресурсам с запрещенной информацией не только по сетевым адресам, но и путем запрета пропускания проходящего трафика. В этой связи собственники или иные владельцы точек обмена трафиком обязаны уведомить Роскомнадзор о начале деятельности по обеспечению функционирования точки обмена трафиком, под которой понимается совокупность технических и программных средств и (или) сооружений связи, с использованием которых собственник или иной их владелец обеспечивает возможность для соединения и пропускания в неизменном виде трафика между сетями связи. Порядок ведения Роскомнадзором реестра точек обмена трафиком утверждается Правительством РФ. В законопроекте также предусмотрено управление сетями связи в случаях возникновения угроз устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории РФ сети Интернет и сети связи общего пользования.

Принимая во внимание зависимость осуществления юрисдикции в киберпространстве от вопроса управления им, создание инфраструктуры, обеспечивающей работоспособность российских интернет-ресурсов в случае невозможности подключения российских операторов связи к зарубежным корневым серверам, дает возможность централизованного управления трафиком сети Интернет, что,

в свою очередь, предполагает осуществление полной юрисдикции государства в соответствующем сегменте киберпространства.

В этой связи можно отметить определенное восприятие в данном законопроекте концепции установления юрисдикции государства в отношении киберпространства на основании территориального принципа, который в свое время был обоснован американским автором Дж. Голдсмитом²⁵. Он считал, что регулирование отношений, реализуемых в киберпространстве, может быть осуществлено на основе территориального принципа ровно в той же степени, как это может быть осуществлено применительно к отношениям, не связанным с киберпространством. При этом была проведена аналогия между возможным установлением юрисдикции многих государств в отношении веб-сайта и фактом уклонения лиц от исполнительной юрисдикции того или иного государства в результате перемещения за границу. И то и другое, по мнению Дж. Голдсмита, не делает концепцию территориального регулирования ущербной, поскольку в обоих случаях ставится вопрос об эффективности реализации предписывающей (законодательной) юрисдикции государства, которая зависит от способности государства принуждать к соблюдению закона через свою исполнительную юрисдикцию. Суверен может предпринять совокупность мер как в отношении конечных пользователей путем использования технологий географической фильтрации, так и в отношении посредников, действующих на его территории, таких как интернет-провайдеры или производители аппаратного или программного обеспечения, путем использования устройств для блокировки нежелательного контента, что, по мнению Дж. Голдсмита, вполне обеспечивает реализацию территориальной юрисдикции в отношении киберпространства.

3. УСТАНОВЛЕНИЕ ЮРИСДИКЦИИ ПО ПРИНЦИПУ МЕСТОНаХОЖДЕНИЯ СЕРВЕРА И РЕГИСТРАЦИИ ДОМЕНННОГО ИМЕНИ

В научной литературе при исследовании критериев установления юрисдикции в отношении киберпространства рассматривалась возможность установления юрисдикции как по принци-

²⁵ Goldsmith J. L. The Internet and the Abiding Significance of Territorial Sovereignty // *Ind. J. Global Legal Stud.* 1998. 5. Pp. 475, 479, 481—482, 484—485.

пу местонахождения сервера²⁶, так и по месту регистрации доменного имени²⁷.

Преимущество установления критерия по месту регистрации доменного имени Д. Джонсон видит в осведомленности сторон правоотношения о местонахождении контрагента по зарегистрированному доменному имени²⁸. Тогда как к недостаткам автор относит существование так называемых функциональных доменов (к ним относятся такие имена, как .com, .org, .int), которые не привязаны к территории того или иного государства.

По мнению А. И. Савельева, выработка специальных критериев для установления юрисдикции в сети Интернет (например, по месту нахождения сервера или географической принадлежности домена) является нецелесообразной, поскольку данные критерии имеют случайный характер, что не позволяет отнести их к основным юрисдикционным критериям²⁹. Автор считает, что существующие правила регистрации доменных имен не могут являться сколько-нибудь надежным индикатором принадлежности веб-сайта к определенному государству, поскольку ничто не мешает российскому лицу зарегистрировать доменное имя в другой географической зоне либо в функциональной доменной зоне (.com, .net и др.) с использованием услуг иностранных регистраторов.

Следует согласиться с определенной уязвимостью предложенных в доктрине критериев в качестве основных, но вряд ли возможно вообще не принимать их во внимание. Сложность вопроса контурирования юрисдикции государства в киберпространстве предполагает необходимость использования совокупности выработанных в доктрине критериев.

Так, принятие в 2016 г. Указа Президента РФ № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности РФ» в определенной степени отразило концепцию установления

юрисдикции по принципу как местонахождения сервера, так и регистрации доменного имени. В соответствии с Доктриной под понятие информационной инфраструктуры РФ подпадают совокупность объектов информатизации, информационных систем, сайтов в сети «Интернет» и сетей связи, расположенных на территории Российской Федерации, а также на территориях, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации или используемых на основании международных договоров Российской Федерации. Таким образом, определение информационной инфраструктуры РФ фактически придало территориальное значение совокупности объектов информатизации, информационных систем, сайтов в сети Интернет и сетей связи.

Объем понятия «объекты информатизации» в этом документе не раскрыт, что обуславливает необходимость обращения к доктрине и глоссарию терминов информационной безопасности. В указанных источниках данные объекты представляют собой совокупность информационных ресурсов, средств и систем информатизации, используемых в соответствии с заданной информационной технологией, и систем связи вместе с помещениями, в которых они установлены³⁰. Объекты информатизации можно также представить в виде центров обработки данных, которые в распоряжении Правительства РФ от 7 октября 2015 г. № 1995-р определены в качестве здания или части здания, предназначенных для размещения технических и технологических средств, обеспечивающих обработку данных. Таким образом, Доктрина информационной безопасности исходит из логичного вывода о том, что правовой режим физического оборудования, обеспечивающего доступ к соответствующей информации, будет определяться исходя из места его расположения.

Кроме того, если исходить из обозначенного в Доктрине определения информационной

²⁶ *Зажигалкин А. В.* Международно-правовое регулирование электронной коммерции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 10 ; *Рассолов И. М.* Правовые проблемы борьбы с преступностью. Вопросы международной подсудности // *Закон и право*. 2007. № 10. С. 64—66 ; *Федотов М. А.* Правовая охрана произведений в киберпространстве // *Электронные библиотеки*. 2002. Т. 5. Вып. 4. С. 54.

²⁷ *Johnson D. R.* Law And Borders — The Rise of Law in Cyberspace // *Stanford Law Review*. 1996. P. 34.

²⁸ *Johnson D. R.* Op. cit. P. 34.

²⁹ *Савельев А. И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М. : Статут, 2016. С. 41.

³⁰ Общие вопросы технической защиты информации // URL: <https://www.intuit.ru/studies/courses/2291/591/lecture/12689> (дата обращения: 16 апреля 2019 г.) ; *Техническая защита информации. Основные термины и определения: рекомендации по стандартизации* Р 50.1.056-2005. М. : Изд-во стандартов, 2005. С. 105.

инфраструктуры РФ, включающей также сайты в сети Интернет и информационные системы, определенные в Федеральном законе 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и защите информации» как совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств, то можно сделать заключение и о признании преобладания юрисдикции страны, принадлежащей к национальной зоне, где была осуществлена регистрация доменного имени веб-сайта.

Таким образом, в национальном праве воспринят комбинированный подход к очерчиванию юрисдикции государства — на основании нескольких критериев, устанавливающих юрисдикцию как в отношении национальной доменной зоны, так и в отношении физического, материального аспекта киберпространства, представляющего собой определенную технологическую инфраструктуру (объекты информатизации, технические средства).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует отметить, что развитие киберпространства не обуславливает снижение значимости понятия «территория государства» как сферы распространения суверенной власти государства. Обогащение понятия «территория государства» на всем протяжении исторического развития за счет включения новых пространств (воздушные, морские и речные суда; космические корабли, станции и др.) при статике его правового значения, заключающегося в пространственных пределах осуществления полной юрисдикции государства, делает возможным расширение содержания данного понятия и за счет включения в него новых пространственных единиц, не имеющих территориального, осязаемого, плоскостного аспекта.

Тенденция «территориализации» киберпространства в определенном смысле воспринята и в российском праве. Так, принимая во внимание зависимость осуществления юрисдикции в киберпространстве от вопроса управления им, законодателями в прошедшем третьем чтении законопроекта «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» 2019 г. была принята определенная перестройка топологии сети Интернет, заключающаяся в создании инфраструктуры, обеспечивающей долгосрочную и устойчивую работу сети Интернет в России в случае невозможности подключения российских операторов связи к зарубежным корневым серверам. Подобное централизованное управление трафиком сети Интернет вне зависимости от внешних или внутренних условий позволяет обеспечить решение юрисдикционного вопроса в отношении национального сегмента в сети Интернет. Сложность очерчивания пространственных контуров юрисдикции государства в киберпространстве предполагает необходимость использования комбинированной системы критериев ее установления, что было отражено в Указе Президента РФ № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности РФ». Определение информационной инфраструктуры РФ, представленное в данном Указе, которая включает в себя совокупность объектов информатизации, информационных систем, сайтов в сети «Интернет» и сетей связи, расположенных на территории Российской Федерации, позволяет сделать вывод о восприятии российским правом критериев установления юрисдикции как в отношении национальной доменной зоны, так и в отношении физического, материального аспекта киберпространства, представляющего собой определенную технологическую инфраструктуру (объекты информатизации, технические средства).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Власенко А. Интернет-пространство: к вопросу о совершенствовании административно-правовой охраны интеллектуальной собственности // URL: <http://www.law-n-life.ru/arch/148/148-7.doc>.
2. Даниленков А. В. Интернет-право. — М. : Юстицинформ, 2014.
3. Дашян М. С. Право информационных магистралей (Law of information highways) : Вопросы правового регулирования в сфере Интернет. — М. : Волтерс Клувер, 2007.
4. Ефремов А. А. Информационное пространство как сфера реализации государственного суверенитета // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право. — 2017. — № 1 (28). — С. 22–30.
5. Каюмова А. Р. Уголовная юрисдикция в международном праве. — Казань, 2016. — 488 с.
6. Кириллюк О. В. Международно-правовые основы саморегулирования в киберпространстве // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2016. — № 1.
7. Крупко С. И. Пространственная сфера действия закона в международном частном праве: аспект интеллектуальных прав // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2015. — № 4. — С. 149–159.
8. Мажорина М. В. Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // Lex Russica. — 2019. — № 2 (147). — С. 107–120.
9. Рассолов И. М. Правовые проблемы борьбы с преступностью. Вопросы международной подсудности // Закон и право. — 2007. — № 10. — С. 64–66.
10. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. — М. : Статут, 2016. — 640 с.
11. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. — 2018. — № 2.
12. Bermann P. S. The globalization of jurisdiction // University of Pennsylvania Law Abstract. — 2002. — Vol. 151. — No. 2.
13. Goldsmith J. L. The Internet and the Abiding Significance of Territorial Sovereignty // Ind. J. Global Legal Stud. — 1998. — 5.
14. Johnson D. R. Law And Borders: The Rise of Law in Cyberspace // Stanford Law Abstract. — 1996. — 1367. — URL: <https://cyber.harvard.edu/is02/readings/johnson-post.html>.

Материал поступил в редакцию 25 апреля 2019 г.

PRINCIPLES FOR DETERMINING TERRITORIAL JURISDICTION OF THE STATE IN CYBERSPACE³¹

TERENTYEVA Lyudmila Vyacheslavovna, PhD in Law, Docent, Associate Professor of the Department of International Private Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
terentevamila@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. The paper is devoted to the conditions of realization of sovereignty and jurisdiction of the state in respect of extraterritorial information and communication space on the platform of cyberspace. The author attempts to consider the constructability of the concept of «territory of the state», the legal meaning of which is to determine the spatial limits of the territorial sovereignty and full jurisdiction of the state in relation to cyberspace. The paper examines the extent to which Russian law reflects the principles of establishing jurisdiction based on the principle of server location and domain name registration proposed in the foreign and Russian doctrine. The author also raises a question whether the solution of the jurisdictional issue in relation to the national segment of the Internet is covered by the attempt of the centralized management of the Internet, i.e. the creation of a national system of

³¹ The paper is prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Research Project of the Russian Foundation for Basic Research «Network Law in a Network Society: new regulatory models», Project No. 18-29-16061 implemented according to the results of the competition for the best research projects of interdisciplinary fundamental researches (code of the competition 26-816 «Transformation of law in the context of the development of digital technologies»).

routing Internet traffic in order to establish protective measures to ensure long-term and sustainable operation of the Internet network in Russia, regardless of external or internal conditions, in the bill «On amendments to the Federal law «On communications» and the Federal law «On information, information technology and information protection» adopted in the third reading by the State Duma on April 16, 2019.

Keywords: jurisdiction, information and communication space, cyberspace, Internet, sovereignty, state territory.

REFERENCES

1. Vlasenko A. *Internet-prostranstvo: k voprosu o sovershenstvovanii administrativno-pravovoy okhrany intellektualnoy sobstvennosti* [Internet space: on the issue of improving the administrative and legal protection of intellectual property]. URL: <http://www.law-n-life.ru/arch/148/148-7.doc>.
2. Danilenkov A.V. *Internet-pravo* [Internet law]. Moscow: Yusticinform Publ., 2014.
3. Dashyan M.S. *Pravo informatsionnykh magistralei: voprosy pravovogo regulirovaniya v sfere Internet* [Law of information highways: issues of legal regulation in the field of the Internet]. Moscow: Wolters Kluwer, 2007.
4. Efremov A.A. *Informatsionnoe prostranstvo kak sfera realizatsii gosudarstvennogo suvereniteta* [Information space as a sphere of realization of state sovereignty]. *Vestnik voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Law]. 2017. No. 1 (28). Pp. 22—30.
5. Kayumova A.R. *Ugolovnaya yurisdiksiya v mezhdunarodnom prave* [Criminal jurisdiction in international law]. Kazan, 2016. 488 p.
6. Kirilyuk O.V. *Mezhdunarodno-pravovye osnovy samoregulirovaniya v kiberprostranstve* [International legal framework of self-regulation in cyberspace]. *Pravo. Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics]. 2016. No. 1.
7. Krupko S.I. *Prostranstvennaya sfera deystviya zakona v mezhdunarodnom chastnom prave: aspekt intellektualnykh prav* [The spatial scope of the law in private international law: aspect of intellectual rights]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* [Proc. of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. 2015. No. 4. Pp. 149—159.
8. Mazhorina M.V. *Tsifrovye platformy i mezhdunarodnoe chastnoe pravo, ili est li budushchee u kiberprava?* [Digital platforms and international private law, or does cyber law have a future?]. *Lex Russica*. 2019. No. 2 (147). Pp. 107—120.
9. Rassolov I.M. *Pravovye problemy borby s prestupnostyu. Voprosy mezhdunarodnoy podsudnosti* [Legal problems of fight against crime. Questions of international jurisdiction]. *Zakon i pravo* [Law and Legislation]. 2007. No. 10. Pp. 64—66.
10. Saveliev A.I. *Elektronnaya kommertsiya v rossii i za rubezhom: pravovoe regulirovanie* [E-Commerce in Russia and abroad: legal regulation]. Moscow: Statut Publ., 2016. 640 p.
11. Talapina E.V. *Pravo i tsifrovizatsiya: novye vyzovy i perspektivy* [Law and digitalization: new challenges and prospects]. *Zhurnal Rossiiskogo Prava* [Journal of Russian law]. 2018. No. 2.
12. Bermann P.S. The globalization of jurisdiction. University of Pennsylvania Law Abstract. 2002. Vol. 151. No. 2.
13. Goldsmith J.L. The Internet and the Abiding Significance of Territorial Sovereignty. *Ind. J. Global Legal Stud.* 1998. 5.
14. Johnson D.R. Law and Borders: The Rise of Law in Cyberspace. Stanford Law Abstract. 1996. 1367. URL: <https://cyber.harvard.edu/is02/readings/johnson-post.html>.